

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Vive la Reine

13

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Дафна спешит на помощь

163

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Женщина легкого поведения

307

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Single Petal of a Rose

405

ПОСЛЕСЛОВИЕ

493

Благодарности

499

От автора

503

Посвящается моим бабушкам,

Джоан и Джесси

*Нам необходима доблесть, которую мы
противопоставим губительному влиянию циников;
мы покажем миру, что будущее нас не страшит.*

Во все времена легко ненавидеть и разрушать.

Созидать же и возвращать — куда трудней...

*Я не могу вести вас в битву, не могу писать законы
или вершить правосудие, но я могу другое —
отдать свое сердце и свою верность нашим древним островам
и всем народам братского Содружества наций.*

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ РЕЧЬ КОРОЛЕВЫ, 1957

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Vive la Reine¹

Париж, апрель 1957 года

¹ Да здравствует королева (франц.).

ГЛАВА 1

Королева сразу поняла, что совершила, фигурально выражаясь, фатальную ошибку. — *Mais bien sûr, Madame. Ça arrive*¹.

Во время ужина при свечах в Лувре, посвященного второму дню ее первого государственного визита во Францию, она обмолвилась — быть может, с оттенком легкой тоски, — что никогда не видела “Мону Лизу”. Зал Кариатид был битком набит. Здесь был *le tout-Paris*². Все до единого министры и видные сановники в элегантных костюмах и хозяйки великосветских салонов в роскошных туалетах собрались здесь, плечом к плечу, чтобы поглазеть на королеву. Однако, если не считать странной статуи и потолочной росписи, ей пока не довелось увидеть здесь никакого искусства.

После краткого совещания с руководством музея двое служащих внесли в зал картину Леонардо

¹ Разумеется, мадам. Сейчас будет (*франц.*).

² Весь Париж (*франц.*).

в массивной позолоченной раме. Ее прислонили к стулу, чтобы королеве было лучше видно, и это был необыкновенный момент: те самые глаза смотрели на нее непроницаемым взглядом из-под тяжелых век. Изображение было настолько знакомо по репродукциям, что встреча с подлинником повергала в изумление. На мгновение королева почувствовала то, что, должно быть, чувствовали люди, оказываясь лицом к лицу с ней.

Вблизи портрет, отягощенный слишком большим грузом ожиданий, оказался удивительно человеческим. За знаменитыми глазами королева увидела молодую женщину, прекрасно владеющую собой и немного смущенную тем, что за ней наблюдают. “Я понимаю, что ты чувствуешь”, — подумала она. Восхищаясь мастерством художника, она все же не могла сосредоточиться, окруженная людьми, которые жадно ловили ее реакцию.

— *C'est merveilleux, n'est-ce pas?*¹ — сказала она, отлично понимая, что это явное преуменьшение.

Вскоре, когда они перешли в очередной роскошный зал, где к ним присоединилась очередная толпа знатных и влиятельных особ, королева оказалась в центре еще более пристального внимания. Сотни людей теснились, желая приветствовать ее, толкались локтями, метя в затянутые корсетами талии, и отпихивали друг друга в борьбе за местечко с лучшим обзором. В какой-то момент толпа хлынула вперед волной, и королева ощутила ее давление. Ее обступили со всех сторон, не давая свободно вздохнуть.

1 Восхитительно, не так ли? (франц.)

На мгновение ей сделалось почти страшно. Популярность приятна, но сейчас она была бы благодарна, если бы к концу вечера сохранила в неприкосновенности костюм и собственные бока.

Подумав, что сказала бы ее бабушка, королева Мария, она собралась с духом и напустила на себя безмятежный вид. Ее взгляд скользнул по морю оживленных лиц, и королеве в глаза бросились два из них. Обладатель первого смотрел не прямо на нее, а на кого-то в толпе позади с неприкрытым выражением отвращения и мелькнувшей в глазах жгучей ненавистью. Королева встречала такой взгляд всего несколько раз — подростком в Виндзоре, когда офицеры или их родственники описывали самые жестокие зверства военных времен. Она знала хозяина этого лица и его историю и догадывалась, кому предназначался взгляд.

Другой мужчина оглядывал зал с нескрываемым презрением, поджав губы. Наконец его взгляд нашел ее собственный, и лицо мгновенно утратило всякое выражение. Но королева успела увидеть достаточно. Это лицо она знала очень хорошо.

По возвращении домой ей предстояла работа — ясно, что кто-то из близкого круга пытался сорвать королевский визит. Ответные действия будут непростыми и окруженными тайной — королева не знала, кому может доверять.

В машине по дороге в британское посольство она сказала Филипу:

— Ты заметил, сегодня подавали устрицы?

— Да, и отличные. — Он ответил жене понимающей улыбкой, прежде чем слегка нахмуриться. — Хотя мне показалось, что ты не оценила. Ты их вообще попробовала?

— Нет. Вообще-то я их очень люблю. — Она ответила ему такой же улыбкой. — Просто не могу их есть за границей.

— Думаю, как раз в этой области мы можем доверять лягушатникам. Вряд ли они попытаются тебя отравить. А устрицы у них лучше, чем у кого бы то ни было. Испокон веков.

— Я не сомневаюсь. Дело не в французах, а в самих устрицах. Никогда не знаешь. А расстройство желудка стало бы катастрофой.

— Полагаю, ты права. Жаль. Они были первоклассные.

Королева поправила на плече мех и взглянула на мерцающие огни площади Согласия. Скоро они будут в посольстве. Ей нравилась эта величественная площадь у реки, нравились классический фасад отеля “Крийон”, древний обелиск с золоченой верхушкой и царящая здесь особая атмосфера. Но память упорно возвращала ее к тому факту, что именно здесь были обезглавлены король и его семья.

Стоило ли говорить Филипу, о чем она на самом деле думает?

Лимузин очертил край площади и свернул на улицу Руайаль. В последний раз они с мужем были здесь в сорок восьмом, она уже носила Чарльза. Да, двадцать два года, недавний брак и безнадежная влюбленность, первый Париж и люди вокруг, как

на карнавале, еще опьяненные радостью Освобождения... Ах, какая это была поездка.

Два дня назад, перед визитом, она и надеяться не могла, что подобный опыт повторится, — теперь, когда ей тридцать лет, у нее двое детей, на ней лежит бремя государственных забот и ей докучают бесконечные беспочвенные сплетни о ее семейной жизни, которые приходится терпеть. Но парижане, собравшиеся на улицах, вели себя все так же восторженно. Королева была необычайно тронута. Филипп прав: маловероятно, что кто-то пытался ее отравить или навредить ей, подсунув несвежую *hûître*¹.

И все же...

Королева не просила в зарубежных поездках о многом. Она располагала крепким здоровьем и завидной выносливостью, была готова следовать изматывающему графику и ела почти все, что ей подавали. Однако редким, но твердым исключением оставались морепродукты. Невозможно исполнять свои обязанности, согнувшись пополам от кишечных спазмов — ее личный секретариат всегда четко об этом предупреждал. Тем не менее прошлым вечером ей подали шесть устриц *à la sauce mignonette avec fraises et champagne*², словно и не было никаких уведомлений.

Было бы легко списать произошедшее на обычную неразбериху. Мелкие накладки случались постоянно и неизбежно и обычно давали повод посмеяться. Но был еще инцидент с пропавшей речью.

1 Устрица (*франц.*).

2 Перечный соус с клубникой и шампанским (*франц.*).

Сутки назад ее ответ на тост президента Франции должен был стать *pièce de résistance*¹ первого дня визита. Это служило бы напоминанием о том, что королева свободно говорит по-французски, и прозвучало бы гимном *Entente cordiale*², связавшему две нации, чьи совместные жертвы позволили выиграть войну. Этот короткий текст готовили неделями, и королева старательно его репетировала.

А за час до отбытия в Елисейский дворец к ней подошел личный секретарь, бледный как смерть, и сообщил, что текст исчез, вместе со всеми копиями и черновиками. Секретарь и посол отчаянно пытались набросать его заново, но она знала — это будет не то. Существовал огромный риск, что неподготовленные фразы, произнесенные на неродном языке, лишат речь большей части выразительности.

Но королева вспомнила, что по счастливой случайности одна из поздних версий оригинала, написанного на безупречном французском с использованием идиом, вернулась из машинописного бюро Букингемского дворца с парой превосходных правок. Королеве пришло в голову, что ее секретарь могла сохранить копию черновика. Так и оказалось: пятьдесят минут спустя девушка уже диктовала по телефону текст личному секретарю королевы. Катастрофу удалось предотвратить.

Потерю оригинала можно было бы списать на невезение. Но пропажа всех копий и черновиков? Seriously?

¹ Главное блюдо (франц.).

² Зд.: Англо-французское соглашение (франц.).

И вот, в дополнение к едва не случившемуся конфузу, этот откровенно враждебный взгляд из толпы, теснившейся вокруг нее в Лувре. Он проливал на происходящее новый свет. Кто-то определенно не желал успеха монаршего визита. Кто-то из ее собственного круга. Кто-то, кому она безоговорочно доверяла — до сегодняшнего вечера.

Королева отдавала себе отчет, что подобные улики — пропавшие черновики, неожиданно поданные морепродукты и недобрые взгляды — легко объяснить чрезмерной впечатлительностью молодой матери или усталостью после двух насыщенных событиями дней визита, что и породило нездоровую подозрительность. Она не могла позволить ее себе — визит был слишком важен.

В любом случае, что она или Филипп могли сделать сию минуту? Когда машина сворачивала налево, на улицу Фобур-Сент-Оноре, королева решила пока оставить свои подозрения при себе.

ГЛАВА 2

— Прекрасная работа, Ваше Величество, — приветствовал ее на следующее утро личный секретарь с легким оттенком снисходительности. — Полагаю, мы можем отметить вчерашний вечер как очередной успех.

— Благодарю, Хью. Было немного тесновато. Временами казалось, что меня сейчас проглотят целиком.

Сэр Хью Массон улыбнулся, словно ее замечание было шуткой. Ему не доводилось оказываться под шквалом всеобщего внимания.

Этим утром трое главных ее помощников в полосатых костюмах аккуратно выстроились перед ней в резиденции посла, готовые обсудить предстоящий день. Вместе с сэром Хью здесь были майор Майлз Уркхарт, заместитель личного секретаря, и пресс-секретарь Джереми Раднор-Милн. Надежные, достойные доверия, они возглавляли список традиционных “усатых мужей”, как называл их Филип, — собира-

тельный термин для старой гвардии, доставшейся королеве от отца.

Солидные седые бакенбарды сэра Хью Массона гармонировали с большими очками в черной оправе, подчеркивая его склонность к книжной учености.

— Премьер-министр просил передать, что он доволен тем, как проходит визит, мэм. Ваши вечерние платья пользуются особым успехом. Выбор французских лилий для отделки высоко оценили.

— Мистер Хартнелл очень старался с вышивкой.

— Приятно видеть, что британский дизайн конкурирует с французским, — весело добавил Майлз Уркхарт. — И, можно сказать, превосходит его. — Его рыжеватые усы щетинились от восторга и национальной гордости. Уркхарт был абсолютно и бесповоротно убежден, что британская монархия — лучшее государство в мире, способное решить почти любую проблему, даже в сфере мод. Королеве было непросто оправдывать столь высокие ожидания.

— О, я бы не рискнула утверждать, что мы превосходим Диора и Бальмена, — возразила она, — но рада, что мы держимся достойно.

— Начинаешь понимать, почему они хотели видеть вас главой государства.

Она покачала головой:

— Это было странно, не правда ли?

Ей все еще казалось удивительным — и, надо сказать, не способствовало обузданию ожиданий Уркхарта, — что втайне ото всех, кроме британского премьер-министра и его ближайшего круга, французский премьер во время своего прошлогодного

визита действительно озвучил идею франко-британского союза с ней во главе. Предложение всех застало врасплох.

— Они положили столько сил, чтобы избавиться от предыдущего короля, — добавила она. — Мистер Иден прав, что отказал. В любом случае у меня сложилось впечатление, что затея принадлежала исключительно месье Молле. С тех пор об этом никто не упоминал.

Джереми Раднор-Милн рассмеялся чуть громче, чем следовало:

— Ха! Вы прекрасно обошлись и без них, мэм. Франция в последнее время не покрыла себя славой. Они выглядят так, будто готовы уцепиться за любую соломинку, если мне позволено так выразиться.

Пресс-секретарь носил тонкую черную полоску усов — как у актера Дэвида Нивена¹ — в попытке продемонстрировать военную лихость и изысканную утонченность. Как и Уркхарт, он выставлял напоказ свой патриотизм и, вероятно, намекал на злополучную прошлогоднюю попытку Франции сохранить контроль над Суэцким каналом, отправив туда войска. Однако Соединенное Королевство поступило точно так же и вышло из Суэцкого кризиса с таким же провальным результатом.

Времена пушечной дипломатии, когда старые имперские державы могли отправиться куда угодно и решить проблемы за океаном небольшой демонстрацией силы, канули в лету. Теперь требовалось участие американцев, а поскольку мистер Эйзен-

¹ Дэвид Нивен (1910–1983) — британский актер, писатель и военный, один из главных “джентльменов” классического Голливуда.

хауэр предельно ясно дал понять, что ввязываться в суэцкую авантюру не намерен, французам и британцам пришлось с позором отступить. Мистер Иден из-за этого лишился поста премьер-министра.

— Здесь все только и говорят, что о дружбе с фрицами, — покачивая головой, заметил Уркхарт. — Тот новый римский договор. “Экономическое сообщество”, как они его называют. И не подумаешь, что Франция и Германия рвали друг другу глотки большую часть века.

— Полагаю, именно этого они и пытаются избежать, — заметила королева. — Но я не уверена, что все поддерживают идею договора. — Она обратилась напрямую к личному секретарю: — Я хотела сказать вам, Хью, что граф де Лоншан совершенно не в восторге. Вы знаете его военную историю — через что его заставили пройти нацисты. А доклады говорят, что президент прислушивается к его мнению.

— Откуда вы знаете, мэм? Кто вам сказал?

— Я прочитала это у него на лице вчера вечером, — ответила королева. Это было первое из двух странных лиц, которые она заметила в Лувре. — Чистейшая ненависть, направленная на германского посла — тот стоял позади меня. Я знаю, что это был германский посол, потому что у него пахнет изо рта. Кто-то должен ему на это намекнуть. Не лучшая черта для дипломата.

— Я передам эту информацию, — пообещал сэр Хью.

— Только не про запах.

— О, и это тоже, мэм. Министерство иностранных дел будет в восторге. Благодарю вас.

